

женное въ виду практичности и осуществимости излагаемыхъ въ немъ мѣропріятій, и не ступевался передъ заманчивымъ, но очень проблематичнымъ проектомъ открытія сѣвернаго (морского) пути. Кстати, закончу сообщеніемъ, что пароходъ „Сѣверъ“ не дошелъ до мѣста назначенія и, такимъ образомъ, не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, какъ нельзя лучше подтвердивъ справедливость вышеизложенныхъ доводовъ г. Нордштерна.

Z.

Земельно - правовыя отношенія инородцевъ на Алтаѣ.

Земельно-правовыя отношенія алтайцевъ, т. е. инородческаго населенія Алтая, могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ: со стороны отношенія къ ихъ земельно-правовому положенію государства и со стороны правового отношенія къ землѣ самого населенія.

Въ первомъ случаѣ дѣло будетъ идти о писанномъ правѣ и его исторіи, во второмъ — о правѣ обычномъ, стоящемъ къ писанному праву нерѣдко въ полномъ противорѣчій. Тамъ — чисто внѣшнія формы, устанавливаемыя принудительно государствомъ, здѣсь — ихъ внутреннее содержаніе, вырабатываемое самимъ инородческимъ населеніемъ. Тамъ внѣшняя исторія края, поскольку она касается его земельного положенія, здѣсь — его внутренняя исторія: процессъ зарожденія и постепеннаго развитія формъ народнаго землевладѣнія и землепользованія. Разнообразныя сочетанія того и другого, т. е. отношеній къ одиѣмъ и тѣмъ-же землямъ государства и инородцевъ, составляютъ сущность земельного вопроса на Алтаѣ, такъ сильно обострившагося въ послѣдніе годы.

Чтобы уяснить себѣ этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ и во всей остротѣ его современной постановки, необходимо детально разсмотрѣть обѣ его стороны, т. е. какъ отношенія государства къ алтайскимъ землямъ, такъ и отношенія къ нимъ инородцевъ, въ непосредственномъ пользованіи которыхъ онѣ находятся теперь или находились въ прошломъ.

Только при этомъ условіи аграрно-инородческой вопросъ на Алтаѣ можетъ обрисоваться въ цѣломъ.

Можно спросить, конечно: почему „аграрно-инородческой“ вопросъ, а не просто аграрный? Да потому, что земельный вопросъ на Алтаѣ такъ тѣсно связанъ съ инородческимъ вопросомъ, что говорить о земельно-правовыхъ отношеніяхъ алтайцевъ, — это значитъ говорить объ алтайскихъ инородцахъ, при безправіи, оброшенности, короче — объ инородческомъ вопросѣ на Алтаѣ. И обратно: рѣчь о положеніи алтайскихъ инородцевъ не можетъ не быть въ то же время рѣчью объ ихъ земельно-правовыхъ отношеніяхъ.

Алтай не представляетъ въ этомъ смыслѣ чего-либо исключительнаго, не встрѣчающагося въ остальной Сибири. Напротивъ, рѣшительно то же самое приходится сказать и о многихъ другихъ частяхъ Сибири, а тѣмъ болѣе о Сибири, взятой въ цѣломъ. Алтай въ этомъ случаѣ въ миниатюрѣ даетъ то же самое, что Сибирь въ огромномъ масштабѣ: картина и тутъ, и тамъ одна и та же: тѣ же общія очертанія, тѣ же краски, разница лишь въ нѣкоторыхъ деталяхъ. Въ Сибири, какъ и на Алтаѣ, земельный вопросъ не можетъ быть совершенно отдѣленъ отъ инородческаго, какъ и обратно: инородческой отъ земельного, ибо они, эти два вопроса, при всей своей видимой разнородности, — едино суть. Поэтому они не могутъ и разсматриваться порознь, будучи лишь различными сторонами одного и того-же цѣлага.

Если вообще инородческой вопросъ у насъ не только одинъ изъ самыхъ больныхъ, поистинѣ, мучительныхъ вопросовъ, простое прикосновеніе къ которому не можетъ не вызывать жгучаго стыда и негодованія у каждаго сколько-нибудь чуткаго и, я скажу даже, просто добросовѣстнаго человѣка, то и его сибирская разновидность не лишена той-же жестокости, холоднаго звѣрства и издѣвательства надъ человѣческой личностью, какими онъ характеризуется и въ Европейской Россіи.

Отсюда все его значеніе для Сибири и въ частности для Алтая, хотя здѣсь его общая постановка, конечно, нѣсколько иная, чѣмъ въ коренной Россіи. Не нужно забывать, что Сибирь — страна наполовину инородческая *), страна, все

*) Едва ли въ этомъ случаѣ можно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора: теперь инородцы не составляютъ и 25% всего населенія Сибири.

коренное население которой—инородцы различных племенъ, различныхъ религіозныхъ воззрѣній, общаго уклада жизни.

Поятно, поэтому, то для Сибири инородческой вопросъ—ея кровный вопросъ, въ сколько-нибудь удовлетворительномъ разрѣшеніи котораго она ближайшимъ образомъ заинтересована, т. к. отъ отъ того или иного его рѣшенія зависить въ огромной степени ея собственное будущее.

Но, можетъ быть, никогда для Сибири онъ не стоялъ такъ болѣзненно остро, какъ въ наши дни. Ни для кого не тайна, что всероссійскій аграрный голодъ господа сегодняшняго дня думаютъ удовлетворить за счетъ инородческихъ земель Сибири. И не только думаютъ, но и осуществляютъ свои думы на дѣлѣ: вотъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ ежегодно въ Сибирь выбрасывается по нѣскольку сотъ тысячъ семей крестьянъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Для этого изъ инородческаго пользованія спѣшно изъемяются милліоны десятинъ земли. Но ни для кого также не тайна, что это лихорадочно-спѣшное „высаживаніе“ лишняго мужика въ Сибирь, производимое по рецепту щедринаскаго „дикаго помѣщика“, никакого аграрнаго голода не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворить. Между тѣмъ оно вноситъ разстройство въ земельный строй Сибири, создавая въ ней свой аграрный голодъ, можетъ быть, не столь грандіозный, какъ всероссійскій, но въ концѣ концовъ не менѣе мучительный и не менѣе чреватый различными „потрясеніями“.

Обезземеленіе части инородческой массы, внесеніе серьезнаго, трудно поправимаго разстройства въ ея земельный и земельно-правовой строй, наконецъ, бѣдствія водворяемыхъ милліоновъ душъ изголодавашагося и обнищавшаго въ конецъ россійскаго крестьянства—таковы главнѣйшія черты результатовъ практическаго примѣненія въ Сибири дворянской политики въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса въ Россіи.

Все это заставляетъ внимательно отнестись къ изученію земельного положенія Сибири, къ тѣмъ рѣзкимъ измѣненіямъ, какія въ немъ производятся, и къ тѣмъ послѣдствіямъ, какими эти измѣненія будутъ сопровождаться, ибо Сибирь не должна и не можетъ такъ или иначе не реагировать на производимое измѣненіе самыхъ основъ ея благосостоянія, матеріальнаго и духовнаго.

Изученіе аграрныхъ отношеній въ Сибири должно быть, поэтому, выдвинуто на первый планъ, на нихъ должно быть сосредоточено пристальное вниманіе и сибирской печати, и практическихъ дѣятелей Сибири. А изучать аграрныя и аграрно-правовыя отношенія въ Сибири въ ихъ современной постановкѣ, это значитъ прежде всего знакомиться съ аграрно-правовыми отношеніями у сибирскихъ инородцевъ, это значитъ знакомиться съ положеніемъ сибирскихъ инородцевъ, съ инородческой политикой въ Сибири.

* * *

Правовое положеніе инородцевъ въ Сибири въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ опредѣляется закономъ 22 іюля 1822 года, не отмѣненныхъ и до сихъ поръ. Этимъ же закономъ, впервые формулировавшимъ правовыя нормы для сибирскихъ инородцевъ, устанавливаются также и основныя черты ихъ правъ на занимаемыя ими земли. Поэтому, кто желаетъ уяснить себѣ основныя принципы земельно-правового положенія сибирскихъ инородцевъ, тому прежде всего придется обратиться къ закону 1822 г.

Этотъ законъ впервые внесъ расчлененіе въ дотолѣ однородную въ правовомъ отношеніи инородческую массу Сибири, распредѣливъ всѣхъ инородцевъ страны на три основныя группы, изъ которыхъ каждой усваивалась извѣстная сумма такъ называемыхъ правъ состоянія, только ей принадлежащихъ. Въ основу этого дѣленія были взяты бытовыя особенности различныхъ инородскихъ племенъ.

Эти три группы или три „состоянія“ сибирскихъ инородцевъ суть нынѣшніе: инородцы осѣдлые, инородцы кочевые и инородцы бродячіе.

Я не буду останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи совокупности правъ каждой изъ этихъ группъ, ограничившись лишь разсмотрѣніемъ ихъ правъ на землю, но указать на основныя различія, проводимыя между этими группами закономъ, на тѣ именно различія, на основаніи которыхъ въ свое время подвергли сибирскихъ инородцевъ сортировкѣ, я считаю необходимымъ.

Законъ этотъ такъ опредѣляетъ эти различія:

Къ разряду *осѣдлыхъ инородцевъ* „принадлежатъ тѣ инородцы, кои имѣютъ постоянную „осѣдлость, хлѣбопашество и

живутъ деревнями или въ городахъ, занимаясь торговлею или промыслами городскихъ обывателей“.

Къ кочевымъ „принадлежатъ тѣ, кои имѣютъ осѣдлость хотя постоянную, но по временамъ года перемѣняемую, и не живутъ деревнями“.

Къ бродячимъ, наконецъ, „принадлежатъ тѣ инородцы, кои не имѣютъ никакой осѣдлости, переходятъ съ одного мѣста на другое по лѣсамъ и рѣкамъ или урочищамъ для звѣроловнаго и рыболовнаго ихъ промысла отдѣльными родами или семействами“.

На Алтаѣ—въ той его части, которая входитъ въ составъ Бійскаго уѣзда Томской губерніи—есть какъ кочевые, такъ и осѣдлые инородцы. Первыхъ, по переписи, произведенной особыми статистическими экспедиціями на Алтаѣ въ 1897 *) и въ 1901 году, т. е. кочевниковъ, насчитывается около 35 тысячъ человекъ **) и осѣдлыхъ инородцевъ—около 9 тысячъ ***) , т. е. почти въ три съ половиною раза меньше, чѣмъ кочевниковъ. Бродячихъ инородцевъ на Алтаѣ нѣтъ вовсе, а потому въ дальнѣйшемъ положеніи я ихъ касаться и не буду.

Земельно-правовое положеніе осѣдлыхъ и кочевыхъ инородцевъ законъ 22 іюля опредѣляетъ въ §§ 20, 26, 27 и 29. Относительно осѣдлыхъ инородцевъ говорится: „*владѣемая нынѣ по древнимъ правамъ сими инородцами земли утверждаются за ними*“ (§ 20). „Кочующіе инородцы для cadaго поколѣнія имѣютъ назначаемыя въ владѣніе земли“ (§ 26). За ними „*утверждаются во владѣніи... земли нынѣ ими обитаемыя, съ тѣмъ, чтобы окружность, каждымъ племенемъ владѣмая, была... подробно опредѣлена*“ (§ 28). Наконецъ, „*подробное раздѣленіе участковъ сихъ земель зависитъ отъ самихъ кочующихъ по жребію или другимъ ихъ обыкновеніямъ*“ (§ 27 ****).

*) Больше позднихъ данныхъ о численности алтайскаго населенія не имѣется.

**) 35.983 человекъ: муж. 18.173 и жен. 17.810, распредѣляющихся по 6.926 хозяйствамъ.

***) 9.354 человекъ: 4.644 мужч. и 4.690 женщ. хозяйствъ—1.505.

****) Въ «Сводѣ Законовъ» изъ этихъ §§, опредѣляющихъ права осѣдлыхъ и кочевыхъ инородцевъ на землю, не вошли 20 и 28, 26 и 27 сведены въ одну статью 34 (изд. 92 г.), относительно же осѣдлыхъ инородцевъ имѣется въ немъ лишь одна ст. 16 (изд. 92 г.), но въ ней говорится только, что «всѣ вообще осѣдлые инородцы сравниваются съ

Изъ этого видно, что законъ 22 іюля, опредѣляя и устанавливая права осѣдлыхъ и кочевыхъ инородцевъ Сибири, опирался на существовавшія уже ранѣе земельныя нормы, и фантастическія земельныя отношенія, которыя новымъ закономъ только укрѣплялись. Законъ 22 іюля признавалъ за осѣдлыми и кочевыми инородцами ихъ „древнія права“ на занимаемая ими земли и закрѣплялъ ихъ за инородцами. Онъ не вносилъ никакихъ новыхъ элементовъ въ земельно-правовыя отношенія инородцевъ, а лишь упрочивалъ отношенія къ землѣ, установившіяся у инородцевъ ранѣе. Въ этомъ *одно* изъ крупныхъ значеній закона 22 іюля.

Но что такое тѣ „древнія права“ инородцевъ на землю, о которыхъ говоритъ основной законъ, опредѣляющій ихъ правовое положеніе, „древнія права“, ссылку на которыя со стороны инородцевъ и теперь можно услышать по всей Сибири? Гдѣ источникъ этихъ „древнихъ правъ“ и какъ великъ ихъ объемъ? На всѣ этого рода вопросы имѣющіеся факты, не подлежащіе оспариванію, даютъ вполне ясныя и опредѣленные отвѣты.

Занимая Сибирь, проникая въ нее все дальше и дальше, русскіе люди находили не безлюдную пустыню, а страну заселенную, хотя и слабо, различными инородческими племенами, пользовавшимися обширными пространствами земли, сообразно своимъ промысловымъ занятіямъ. Занимая страну, русскіе люди не только облагали инородческія племена различными „данями“ и „поборами“, но и захватывали нерѣдко ихъ земли, которыми они фактически пользовались въ тѣхъ или иныхъ промысловыхъ цѣляхъ. Это, конечно, не могло не вызывать извѣстнаго отпора со стороны инородцевъ, не могло не создавать поводовъ къ постояннымъ столкновеніямъ между кореннымъ населеніемъ страны—разноплеменными инородцами—и ея новыми обитателями, пришлецами. Столкновенія приводили къ такъ называемымъ бунтамъ, которыми столь богато первое время господства русскихъ въ Сибири *).

россиянами въ правахъ и обязанностяхъ по сословіямъ, въ которыя они вступаютъ. Они управляются на основаніи общихъ узаконеній и учреждений». Въ особенностяхъ ихъ земельныхъ правъ нѣтъ соответствующей статьи въ «Сведѣ Законѣ».

*) Изъ сохранившихся архивныхъ документовъ видно однако, что инородческіе бунты происходили, главнымъ образомъ, вѣдствие невыносимыхъ поборовъ русскіхъ служилыхъ людей. Ред.

Желая привлечь къ себѣ часть инородцевъ, выражавшихъ не только покорность, но и готовность служить русской власти въ дѣлѣ упроченія русскаго положенія въ Сибири, правительство многихъ изъ нихъ „жаловало“ землями, искони находившимися въ инородческомъ владѣніи и пользованіи, выдавая на нихъ разнообразныя документы: царскія грамоты исходившія изъ Москвы, „данныя“, которыя щедро раздавались отъ царскаго имени мѣстными и воеводскими канцеляріями—Тарской, Томской, Кузнецкой и др. Земли жаловались на имя какого нибудь инородца „съ товарищи“ или цѣлому роду, въ собственность полную, „на вѣчныя времена“, или ограниченную тѣмъ, что жалуемая земля не могла быть отчуждаема или закладываема, о чемъ и упоминалось въ этихъ документахъ, какъ и упоминалась въ нихъ и самая цѣль „пожалованья“—занятіе инородцами хлѣбопашествомъ, сѣнокошеніемъ или звѣринымъ промысломъ.

Вотъ на этихъ то документахъ инородцы во многихъ случаяхъ и основываютъ свои исключительныя права на занимаемая ими земли, въ нихъ они и видятъ одно изъ доказательствъ своихъ „древнихъ“ земельныхъ правъ, ссылки на которыя такъ часто приходится слышать въ инородческой средѣ.

Но какъ ни много было въ свое время жалуемо отдѣльнымъ инородческимъ группамъ и даже отдѣльнымъ лицамъ изъ инородческой среды земли, тѣмъ не менѣе главная масса инородцевъ никакихъ пожалованій отъ русской власти землею не получала, такъ какъ никакихъ особенныхъ услугъ она ей не оказывала, да и по самому существу дѣла и не могла оказывать. И тѣмъ не менѣе и эти инородцы считаютъ за собой неотъемлемыя права на занимаемая ими земли, и ихъ землевладѣніе и землепользованіе опирается, въ ихъ глазахъ, на „древнія права“, можетъ быть, даже болѣе древнія, чѣмъ тѣхъ ихъ соплеменниковъ, предки которыхъ за особыя „услуги“ русской власти были жалуемы ею землей. И для нихъ эти „древнія права“ столь же неоспоримы, столь же очевидны, какъ и тѣ, у кого на рукахъ остались одни, свято хранимыя, за семью замками, лохмотья копій владѣнныхъ актовъ, за которыми теперь „начальство“ не желаетъ признавать никакой юридической силы, какъ за „ничтожными“.

Источникомъ этихъ своихъ правъ на землю инородцы признають не какія либо грамоты, „данныя“, „выписи“ и проч. акты на владѣніе землею, которыхъ у нихъ никогда не было а болѣе непререкаемый фактъ, имѣющій, въ ихъ глазахъ, силу неотразимости, доказательности и убѣдительности—исконнаго владѣнія и пользованія ими этими землями, владѣнія и пользованія, начало которыхъ лежитъ гораздо дальше прихода русскихъ въ Сибирь и подчиненія ими власти русскаго государства населявшихъ ее инородцевъ. Подчиненіе это сопровождалось обложеніемъ инородцевъ долями въ пользу государства и государя ясакомъ, который цѣликомъ поступалъ непосредственно въ царскую казну, но земли за отдѣльными исключеніями оставались въ распоряженіи ихъ истинныхъ обладателей—инородцевъ. И вотъ въ этой то неприкосновенности владѣнія и пользованія землями, которыя въ ихъ обладаніи находились и ранѣе, инородцы видятъ доказательство своихъ „древнихъ правъ“ на землю, источникомъ котораго служитъ исконность обладанія имъ *).

Вотъ эти то „древнія права“ сибирскихъ инородцевъ на занимаемая ими земли имѣетъ въ виду законъ 22 іюля 1822 г., который не только не вводитъ никакихъ новыхъ началъ въ сложившіяся ранѣе земельно-правовыя отношенія инородцевъ, но и самъ опирается всею своею тяжестью именно на эти отношенія и, такимъ образомъ, ихъ только закрѣпляетъ, въ глазахъ инородцевъ, лишній разъ подтверждая права послѣднихъ на земли, которыми тѣ всегда дорожили и къ на-

*) Въ половинѣ XVIII ст., какъ навѣство, была учреждена такъ названная ясачная коммиссія, которая должна была установить пользованіе землями за каждымъ „исконнымъ“ инородцемъ, какъ и опредѣлить размѣръ ясака, величина котораго зависѣла отъ количества земельныхъ угодій, опредѣлявшагося коммиссіею за инородцами. Работы ея не могли не коснуться и инородцевъ южной части Томской губ., т. е. нынѣшняго Алтайскаго округа, но въ чемъ онѣ выразились здѣсь и какъ именно отразились на правовомъ сознаніи инородцевъ этого края, — въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ данныхъ. Но если эти работы были производимы и тутъ, — а онѣ не могли не производиться, — то трудно сомнѣваться, что ихъ вліяніе на инородческую массу могло быть только общимъ — въ сторону укрѣпленія въ ней сознанія о „древнихъ правахъ“ инородцевъ на занимаемая ими земли.

рушенію правъ владѣнія которыми всегда относились съ большой чуткостью *).

Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что еще задолго до изданія закона 22 іюля въ правящихъ сферахъ начинается обнаруживаться тенденція отрицанія за инородцами ихъ правъ на землю. Въ этомъ отношеніи любопытнѣйшій фактъ приводится однимъ изъ немногихъ дѣйствительно выдающихся официальныхъ дѣятелей въ Алтайскомъ округѣ — Ал. Ал. Вагановымъ **) въ его официальной брошюрѣ „Инородцы на Алтаѣ“, при составленіи которой онъ пользовался архивами вѣдомства Кабинета какъ въ Барнаулѣ, такъ и въ Петербургѣ.

Къ концу XVIII вѣка, послѣ усиленныхъ пожалованій земель инородцамъ ***), начинается отрицаніе за ними ихъ правъ на земли, ими занимаемыя, а потому въ „въ 1782 г., говоритъ Вагановъ, по распоряженію директора экономіи, были отобраны отъ инородцевъ 483 владѣнныхъ указа на земли на томъ основаніи, что акты эти выдавались не по царскимъ грамотамъ, а по указамъ одной Кузнецкой воеводской канцеляріи **), воеводами, не имѣвшими полномочія ни

*) Въ прошломъ инородческое землевладѣніе въ Сибири отмѣчено множествомъ судебныхъ процессовъ, возникавшихъ изъ за разнообразнѣйшихъ нарушеній права владѣнія инородцами ихъ землями. Копіи рѣшеній судебныхъ и административныхъ учрежденій хранятся у многихъ инородцевъ вмѣстѣ съ владѣнными на земли актами и имъ придается инородцами такое же значеніе, какъ и послѣднимъ, въ нихъ они также видятъ подтвержденіе своихъ „древнихъ правъ“ на землю.

**) Умеръ въ 1888 году въ г. Барнаулѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ управлял. частью главнаго управленія Алтайскаго округа.

***) Больше всего, повидимому, пожалованій относится къ царствованіямъ Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича, но они продолжались еще и при Петрѣ и даже Екатеринѣ II. Такъ, въ 1774 г. Тюменской воеводской канцеляріей была дана „выпись, которою ясашному Михаилу Холкину съ товарищи назначалось въ *стѣнное владѣніе*, но безъ права продавать или закладывать, 125 десятинъ годнаго мѣста подъ усадьбу, пашню, выгонъ и покосъ и, кромѣ того, мѣсто подъ промыслы, пространство котораго не было опредѣлено. Занятое Холкинымъ, на основаніи этого документа, пространство, по произведенію въ 1809 году межеванію, оказалось въ 315,533 дес.“ А. Вагановъ, „Инородцы на Алтаѣ“, стр. 2. Впослѣдствіи на этихъ земляхъ была образована Кумышская инородческая управа Барв. уѣзда.

****) Какъ уже упоминалось выше, это утвержденіе невѣрно: многія земли жаловались именно по грамотамъ. Точно также не точно и утвер-

предоставлять въ даръ огромныя пространства лучшихъ земель, ни раздавать въ безвозмездное пользованіе *).

Прибѣгая къ такой во всякомъ случаѣ исключительной и внѣзаконной мѣрѣ, правительство того времени все таки не рѣшилось поставить на очередь общій вопросъ о правѣ инородцевъ на занимаемыя ими земли. Оно руководствовалось, нужно показать, въ этомъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что одна постановка его на обсужденіе могла вызвать общее волненіе среди сибирскихъ, инородцевъ, что не могло входить въ его планы. И въ то же время имъ какъ бы подготавливается почва не только для постановки такого вопроса въ будущемъ, но и рѣшенія его въ опредѣленномъ направленіи. Отбирая владѣнные документы, оно, несомнѣнно, старалось такъ сказать, выбить у инородцевъ самое почву изъ подъ ногъ въ вопросѣ о ихъ правахъ на землю. Сколько тутъ

здѣние, что выдавались указы только Кузнецкой воеводской канцелярій,—въ такой же мѣрѣ они выдавались и другими воеводскими канцелярїями—Тюменской, Тарской и Томской.

*) Здѣсь не безынтересно будетъ отмѣтить одно обстоятельство. Инородцы, конечно, весьма мало были склонны одобрять массовое отобраніе у нихъ документовъ, такъ какъ имъ не представляло ни малѣйшаго интереса упускать изъ своихъ рукъ документы, которыми опредѣлялись ихъ права на землю. Чиновники, производившіе эту своеобразную экспроприацію, очевидно, предвидѣли возможность возникновенія серьезныхъ на этой почвѣ „недораазумнѣй“, а можетъ быть недоразумнѣй и происходили, и нашли выходъ изъ щекотливаго положенія въ томъ, что отбирая у инородцевъ подлинные документы, выдавали имъ взамѣнъ копїи, засвидѣтельствованныя органами мѣстной волостной власти—волостными старостами. Но такъ какъ волости, гдѣ производилось изъятіе изъ обращенія документовъ, были инородческими волостями, то и волостные старосты, свидѣтельствовавшіе точность копїи, были тоже инородческіе родовые старосты. Впослѣдствїи это, на первый взглядъ безразличное, обстоятельство дало возможность заинтересованнымъ вѣдомствамъ отрицать за этими копїями владѣнныхъ актовъ всякое значеніе, такъ какъ де онѣ свидѣтельствовались инородческими властями, т.-е. сторонной, непосредственно заинтересованной въ дѣлѣ. Инородцы, конечно, этой чисто-чиновничьей аргументаціи понять не могутъ и потому искренно недоумѣваютъ, какимъ образомъ фактъ свидѣтельства документа установленнымъ въ законѣ порядкомъ дѣлаетъ этотъ документъ негоднымъ, во 1; а во 2, если онъ дѣйствительно негоденъ вслѣдствіе приложенія къ нему инородческой печати и инородческихъ подписей, то какимъ образомъ правительственные чиновники могли выдавать имъ инородцамъ, за вѣдомо негодные документы вмѣсто отобранныхъ у нихъ настоящихъ.

было вполне сознательнаго разчета и сколько инстинктивной боязни сохраненія за инородческой массой большой устойчивости, какою имъ придавало оформленное владѣніе землей, противъ не ослабѣвавшаго, а все возрастающаго натиска русскихъ людей,—теперь говорить было бы весьма трудно.

Тѣмъ не менѣе самъ по себѣ фактъ отрицанія за инородцами правъ на занимаемыя ими земли со стороны мѣстной правительственной власти, выразившихся между прочимъ въ массовомъ отобраніи владѣнныхъ на земли актовъ, не могло не вызывать въ инородческой средѣ серьезной тревоги за свои земли. И признаны закономъ 22 іюля 1822 года за инородцами ихъ „древнихъ правъ“ на земли нельзя разсматривать иначе, какъ мѣру, при помощи которой правительство стремилось внести успокоеніе въ инородческую среду, укрѣпивъ въ ней увѣренность, что земельно-правовое ихъ положеніе, эта главная основа всего ихъ быта и благосостоянія, останется и на будущее время неприкосновенной со стороны русской власти.

Вагановъ, отмѣчая, что положеніе о сибирскихъ инородцевъ, т. е. законъ 22 іюля, признаетъ „старыя права на землю“ за инородцами осѣдлыми и кочевыми, говоритъ, что эти права признаются положеніемъ „лишь настолько, на сколько права эти касаются земель, находящихся въ пользованіи инородцевъ, но не возстановляютъ древнія ихъ права на земли, отобранныя у нихъ въ 1782 году и потеряныя ими впоследствии“ *). Съ этимъ замѣчаніемъ никакимъ образомъ нельзя согласиться, и вотъ почему. Въ 1782 году у инородцевъ были отобраны, подъ какимъ предлогомъ—неизвѣстно, подлинныя владѣнные акты на землю и взамѣнъ ихъ выданы инородцамъ на руки копіи ихъ. И только. Земли же, къ которымъ относились эти акты, по прежнему остались въ пользованіи и владѣніи тѣхъ же инородцевъ, у которыхъ онѣ и раньше находились. Объ отобраніи у нихъ земель, на которыя были выданы владѣнные акты, не поднималось въ то время даже и рѣчи, да фактически это не могло тогда бы и осуществиться. О какихъ же отобранныхъ тогда или „впоследствии“ земляхъ, которыхъ не касался бы

*) А. Вагановъ: „Иногородцы на Алтаѣ“, стр. 13.

законъ 22 іюля, говоритъ Вагановъ? *Такихъ* земель въ 1822 г. т. е. ко времени изданія положенія о сибирскихъ инородцахъ, не было, если тутъ не подразумѣваются земли, которыя когда то были фактически захвачены и заселены русскими и такимъ образомъ изъяты изъ инородческаго пользованія. Къ дѣйствительному массовому изытію земель изъ инородческаго пользованія было приступлено только много десятковъ лѣтъ спустя.

Затѣмъ, развѣ отобраніе у владѣльцевъ имущества владѣнныхъ на него актовъ, совершенное по распоряженію какого либо чиновника, достаточно для уничтоженія самаго права владѣнія? Для послѣдняго требуется или постановленіе суда, или же законодательный актъ. Послѣдняго не было; что же касается суда, то насколько можно судить по рѣшеніямъ, многочисленныя копи съ которыхъ хранятся и теперь еще инородцами, какъ лишнее доказательство ихъ правъ на землю,—судъ если не всегда, то весьма часто становился на сторону инородцевъ и своими рѣшеніями укрѣплялъ ихъ права на землю. На отобраніе у инородцевъ ихъ владѣнныхъ документовъ въ 1782 г. можно смотрѣть только, какъ на одинъ изъ актовъ административнаго произвола, на который сибирская администрація всегда такъ щедра была. Не болѣе.

Положеніе о сибирскихъ инородцахъ 1822 года совершенно не имѣетъ въ виду земель, дотументы на которыя были отобраны за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ у инородцевъ, но владеніе и пользованіе которыми сохранилось во всей своей неприкосновенности. Ни объ этихъ документахъ, ни о якобы утраченныхъ вмѣстѣ съ ними земляхъ инородцами законъ 22 іюля не говоритъ ни слова. Онъ говоритъ о всѣхъ земляхъ, которыми въ то время фактически владѣли инородцы, и ихъ то онъ утверждаетъ за ними безъ всякихъ оговорокъ. Это относится ко всѣмъ категоріямъ, на которыя новый законъ разбилъ дотолѣ однородную въ правовомъ отношеніи инородческую массу, т. е. какъ къ осѣдлымъ, такъ и къ кочевымъ и даже бродячимъ. Инородцамъ законъ говоритъ совершенно опредѣленно, что за осѣдлыми инородцами „утверждаются“ земли, ими „владѣмыя по древнимъ правамъ“; за кочевыми „утверждаются во владѣніе земли, нынѣ ими обитаемыя“, для „каждаго поколѣнія“ ихъ должны

быть „назначены во владѣніе земли“; бродячіе инородцы „владѣютъ землей на тѣхъ же условіяхъ, какъ и кочующіе“, но съ тою лишь разницей, что для нихъ нѣтъ отводовъ по „поколѣніямъ“, нѣтъ раздѣленій изъ земель на участки, какъ для кочевыхъ инородцевъ, а „назначаются по удобности полосы земли“, лишь отграниченныя отъ другихъ владѣній. И никакихъ изъятій для земель, документы на которыя такъ или иначе инородцами были утрачены ранѣе, законъ 22 іюля не знаетъ.

Заслуживаетъ извѣстнаго вниманія и другое замѣчаніе А. А. Ваганова, такъ сказать, объ объемѣ земельныхъ правъ, утверждаемыхъ за инородцами закономъ 1822 года.

„Выраженіе „утверждаются во владѣніи землей“.—говоритъ Вагановъ, весьма неопредѣленно и не даетъ положительнаго отвѣта на весьма важный и существенный для инородцевъ вопросъ: утверждаются-ли за ними земли въ одно только пользованіе съ платою оброка, или же въ полную ихъ собственность? Принимая во вниманіе, что инородцы-земледѣльцы вполнѣ сравнены положеніемъ, въ ихъ гражданскихъ правахъ, съ государственными крестьянами, которые въ эпоху изданія „положенія“ считались принадлежностью казны и, слѣдовательно, юридически неполноправными, а потому право собственности, какъ юридическое понятіе, заключающее въ себѣ совокупность правъ владѣнія, пользованія и свободнаго распоряженія, къ нимъ не могло быть примѣнено,—трудно было бы вышеставленный вопросъ рѣшить въ пользу того, что „положеніе“ признавало за инородцами право собственности на землю. Но, съ другой стороны, признавая „древнія права инородцевъ на землю“, „положеніе“, казалось бы, должно было бы, ради послѣдовательности, признать за ними и право собственности на владѣяемыя ими земли, такъ какъ несомнѣнно, что старинными владѣтельными указами право это было за ними укрѣплено“ *).

Эти вопросы и эти сомнѣнія могли возникнуть только по недоразумѣнію, вызываемому неопредѣленностью самаго выраженія „древнія права“. Какъ мы уже видѣли выше, сами инородцы подъ ними подразумѣваютъ далеко не одно и то

*) Тамъ же, стр. 14.
Сибирскіе Вопросы.

же въ разныхъ случаяхъ. Для большинства инородцевъ, для массы—это ея исконное право на занимаемыя земли, какъ коренныхъ обитателей страны, которые пользовались ими еще до появленія въ ней русскихъ, а приходъ послѣднихъ не сопровождался изъятіемъ земель изъ пользованія всей инородческой массы.

Для меньшинства той же массы, того меньшинства, которое стало по отношенію остальныхъ соплеменниковъ въ исключительныя условія, оторвавшись отъ нихъ, это будетъ то положеніе, что создано для него русской властью, —исключительное право на пожалованныя земли.

Инородческой массѣ въ цѣломъ не могъ не быть глубоко чуждымъ въ тѣ времена принципъ земельной собственности, какъ чуждъ онъ ей и нынѣ. Самыя условія ея соціальнаго быта не могли способствовать не только развитію, но и самому возникновенію этого принципа. Инородческая масса знаетъ только принципъ народнаго, племеннаго владѣнія, ея она и защищаетъ при вѣшнихъ натискахъ. Для нея „древнія права“ на землю опредѣляютъ право на народное племенное владѣніе. Поэтому и законъ, укрѣпляющій за этими инородцами ихъ „древнія права“ на владѣмыя ими земли, не могъ имѣть въ виду ничего иного, какъ права инородцевъ на народное, племенное владѣніе и пользованіе. О „собственности“ на владѣмыя ими земли тутъ не могло быть рѣчи.

Другое дѣло землевладѣніе меньшинства инородческой массы, потомковъ тѣхъ отдѣльных инородцевъ и небольшихъ группъ ихъ, которые въ свое время были пожалованы государственной властью землями „въ собственность на вѣчныя времена“. Если бы Положеніе объ инородцахъ 1822 года имѣло въ виду лишить инородцевъ ихъ собственническихъ правъ на нѣкогда пожалованныя имъ предкамъ земли, то это въ немъ было бы точно и опредѣленно указано, чего въ дѣйствительности, однако, не было. Поэтому нужно признать одно изъ двухъ: или законъ вовсе не имѣлъ въ виду жалованныя инородцамъ земли, или онъ просто не касался различій въ правовыхъ основахъ инородческаго землевладѣнія, а просто утверждалъ за инородцами всѣ тѣ ихъ права на землю, какими они пользовались

въ то время. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ неопредѣленное выраженіе „древнія права“ наиболѣе умѣстно и объяснимо.

Во всякомъ случаѣ, нельзя смотрѣть, что законъ 22 іюля нарушилъ права инородцевъ на земли, въ свое время имъ пожалованныя: ни одна статья этого закона не даетъ повода къ такому ограничительному его толкованію. И тѣмъ не менѣе вопросъ о правѣ собственности на эти земли вполне умѣстенъ. До прихода русскихъ въ Сибирь принципъ земельной собственности, какъ онъ понимается въ настоящее время, былъ совершенно чуждъ инородцамъ: въ ихъ представленіи о землѣ и условіяхъ пользованія ею совершенно не укладывалось понятіе собственности, какъ предмета, который можетъ быть отчуждаемъ. Съ принципомъ земельной собственности они знакомятся съ подчиненіемъ русской государственности, представители которой съ самаго *начала* старались привить ея *начала* въ Сибири. Пожалованіе инородцамъ земель „въ собственность на вѣчныя времена“ было однимъ изъ проявленій этихъ стремленій сибирской бюрократіи того времени. Но эти стремленія претерпѣли крушеніе: инородцы къ жалуемымъ землямъ устанавливали тѣ же отношенія, что и ко всѣмъ остальнымъ, они и къ нимъ примѣняли родовое владѣніе, — частная форма владѣнія народнаго, племеннаго. Дѣлалось это не сразу, а въ процессъ, съ одной стороны, продолжительнаго пользованія пожалованными землями, а съ другой — естественнаго размноженія и расселенія населенія. Постепенно, незамѣтно созданная пожалованіемъ земельная собственность сама собою исчезала, уступая мѣсто родовому владѣнію. Иначе и быть не могло: окружающая среда, общія соціальныя условія, въ какихъ жили инородцы, и не могли дать ничего иного, какъ превратить искусственно созданную личную или групповую земельную собственность въ родовое владѣніе, каковымъ оно остается и до нашихъ дней.

Какъ это у насъ часто бываетъ, законъ 22 іюля 1822 года вмѣсто успокоенія, на которое онъ, несомнѣнно, былъ рассчитанъ, внесъ въ инородческую среду только смуту. Съ болѣзненной чуткостью, выработавшейся, какъ результатъ тяжелаго опыта, инородческая среда всегда относилась къ мѣропріятіямъ правительства, подозрѣвая въ нихъ лишь новыя формы своего порабощенія. Также она отнеслась и къ закону

22 июля, усмотрѣвъ въ немъ стремленіе государственной власти нарушить земельно-правовыя отношенія инородцевъ. Встрѣтивъ новый законъ съ большимъ недовѣріемъ, инородцы отвѣтили на него тѣмъ, что на бюрократическомъ языкѣ называется волненіями: волненія охватили почти все инородческое населеніе Западной Сибири, хотя формы его и были весьма мирными.

Они вызвали тѣмъ не менѣе опубликованіе особаго циркуляра генераль-губернатора Западной Сибири Капцевича отъ 24 декабря 1823 года, еще разъ торжественно подтвердившей инородцамъ, что ихъ древнія права на занимаемыя земли неприкосновенны. Циркуляръ этотъ былъ разосланъ по всѣмъ инороднымъ управамъ Западной Сибири, гдѣ и читался инородцамъ. Многіе изъ нихъ и теперь еще бережно хранятъ этотъ документъ, разосланный въ печатномъ видѣ, какъ лишнее доказательство своихъ правъ на землю.

Отмѣтивъ, что законъ 22 июля, давая новыя права осѣдлымъ инородцамъ, разрѣшая имъ записываться въ гильдіи и что „вступая въ подушный окладъ, (они) ни мало не теряютъ правъ своихъ“, циркуляръ говоритъ: „впрочемъ, всѣ изъ нихъ (инородцевъ) во всякомъ случаѣ будутъ всегда безпрекословно владѣть землями, нынѣ по древнимъ правамъ ихъ владѣемыми, а недостаточные надѣлены будутъ даже казенными землями“.

Такимъ образомъ, со стороны высшаго представителя государственной власти въ краѣ еще разъ было подтверждено инородцамъ, что они имѣютъ особыя права на занимаемыя ими земли и что права эти неприкосновенны. И инородцы это хорошо запомнили.

* * *

Отъ общей характеристики земельно-правового положенія въ Алтайскомъ горномъ округѣ, какимъ оно было до послѣднихъ десятилѣтій, когда инородческій вопросъ, именно со стороны земельно-правовой, былъ въ весьма рѣзкой формѣ поставленъ на очередь, обратимся къ разсмотрѣнію положенія инородцевъ собственно на Алтаѣ, гдѣ инородческій вопросъ поставленъ, можетъ быть, съ наибольшей остротой.

На Алтаѣ, какъ это видно изъ предыдущаго, главную массу инородческаго населенія составляютъ инородцы кочевые—80%. На этихъ то инородцахъ мы и сосредоточимъ

главное вниманіе, т. к. именно ихъ земельно-правовое положеніе подвержено наибольшему риску, въ смыслѣ его утраты.

Инородцы Алтая жалованныхъ земель никогда не имѣли,—ни кочевые, ни осѣдлые. Это не мѣшаетъ, однако, имъ признавать, подобно большинству сибирскихъ инородцевъ, что ихъ землевладѣніе опирается на „древнія права“, которыя, въ ихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ всей инородческой массы Сибири, неприкосновенны.

Происхожденіе этихъ правъ, тѣмъ не менѣе, здѣсь нѣсколько иное, чѣмъ въ другихъ частяхъ того же Алтайскаго округа, хотя бы у инородцевъ Томскаго уѣзда. Присоединеніе Алтая къ русскимъ владѣніямъ, — фактъ почти вчерашняго дня: оно относится ко второй половинѣ XVIII столѣтія *), и произошло не путемъ насильственнаго занятія страны русскими, какъ это было по отношенію остальной Сибири, и вслѣдствіе настойчивыхъ хлопотъ самихъ инородцевъ, населявшихъ Алтай.

Здѣсь не мѣсто разсматривать исторію этого присоединенія, тѣмъ болѣе, что это неизбежно отвлекло бы насъ отъ главнаго предмета обсужденія—отъ земельно-правового положенія алтайскихъ инородцевъ; достаточно, сказать, что оно произошло на развалинахъ Джунгарскаго царства, погибшаго въ войнѣ съ Китаемъ, вслѣдствіе неоднократныхъ просьбъ самихъ алтайцевъ взять ихъ подъ защиту русскаго государства и, такимъ образомъ, оградить ихъ отъ окончательнаго уничтоженія китайцами.

Алтайскіе инородцы, отмѣчая характеръ присоединенія Алтая къ русскимъ владѣніямъ, говорятъ, что они добровольно сами пошли въ русское поданство и принесли, т. сказ., съ собою государству земли, которыми они пользовались. Присоединеніе алтайцевъ къ числу русскихъ подданныхъ, произведенное весьма неохотно, не сопровождалось никакими земельными изытіями: земли по-прежнему всецѣло оставались въ ихъ обладаніи, хотя сами они, наравнѣ съ другими сибирскими инородцами, были обложены государственными данями въ формѣ ясака и другихъ повинностей. Въ этомъ алтайцы и видятъ свои „древнія права“ на занимаемая ими

*) Около 1757 года.

земли. Какъ сибирскій крестьянинъ иной разъ опредѣляетъ свои отношенія, съ одной стороны, къ государству, а съ другой—къ землѣ, которой пользуется, выраженіемъ: „сами то мы царскіе, а земля—наша“, такъ же точно и алтайскіи инородцы: „мы подданные русскаго царя и закону не противны, а земли наши по древнимъ нашимъ правамъ“. Источникъ своихъ правъ на земли они видятъ въ давности своего владѣнія ими, давности, гораздо болѣе продолжительной, чѣмъ самая принадлежность Алтая къ русскому государству.

Въ сущности, мы здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ отношеніемъ къ землѣ и къ правамъ на нее, какое наблюдается и у другихъ сибирскихъ инородцевъ, владѣющихъ не жалованными землями, а исконно бывшими въ ихъ пользованіи, съ тою разницей, что особенность исторіи присоединенія къ Россіи Алтая наложила свой отпечатокъ и на самую обосновку алтайскимъ инородцемъ своихъ древнихъ правъ на землю. Разница весьма незначительная, да и та почти исчерпывается одной „словесностью“.

Это главная масса алтайцевъ, это кочевники Алтая, признающіе себя „однимъ народомъ“. Въ общественно-административномъ отношеніи они распределяются по 16 волостямъ и такъ называемымъ дючинамъ, расположеннымъ по системамъ рѣкъ Чарыша въ его верхнемъ теченіи, Катуні и Біи, а именно: семь дючинъ собственно алтайцевъ („алтайкижи“) по Чарышу и Катуні, двѣ волости теленгитъ по р. р. Чуѣ, Башкаусу, Чулышману и по Телецкому озеру, четыре волости черневыхъ инородцевъ („тубакижи“)—между Катунью и Телецкимъ озеромъ и, наконецъ, три волости такъ называемыхъ кумандинцевъ, — въ верхнемъ теченіи р. Біи, собственно уже въ предгоріяхъ Алтая.

Всѣхъ этихъ инородцевъ насчитывается около 35 тысячъ человекъ. Разбиваясь на нѣсколько племенныхъ группъ, они тѣмъ не менѣе считаютъ себя „однимъ народомъ“, имѣющимъ между прочимъ и общія права на землю.

Но кромѣ этихъ инородцевъ, причисляемыхъ къ кочевымъ, хотя многіе изъ нихъ давно уже усвоили себѣ вполне осѣдлый образъ жизни,—на Алтай, въ предѣлахъ того же Бійскаго уѣзда, есть еще и другіе инородцы, относимые къ разряду осѣдлыхъ.

Какъ мы уже знаемъ, этихъ насчитывается около девяти тысячъ человекъ. Часть ихъ живетъ среди кочевыхъ по различнымъ урочищамъ — около 14,8 0/0, остальные же обособлены въ селеніяхъ, составляя четыре управы: Уймонскую — въ верхнемъ теченіи р. Катуня и по р. Коксу, въ сѣверной части Алтайскихъ горъ, Сарасинскую и двѣ управы — Быстрянскую и Кокшинскую — въ алтайскихъ предгоріяхъ, въ западномъ направленіи отъ кумандинскихъ кочевыхъ волостей.

Наибольшій интересъ въ разсматриваемомъ отношеніи имѣетъ, несомнѣнно, Уймонская инородная управа, какъ непосредственно примыкающая къ землепользованію инородцевъ-кочевниковъ, и гораздо уже меньшій — Сарасинская, часть населенія, которой живетъ внутри инородческаго района. Что же касается кокшинцевъ и быстрянцевъ, то на нихъ, пожалуй, можно и совсѣмъ не останавливаться, т. к. въ настоящее время они — инородцы только по имени: смѣшавшись съ русскимъ населеніемъ, они давно утратили не только свои первоначальныя вѣрованія, обычаи, основныя черты быта, но и самый языкъ: и кокшинцы, и быстрянцы въ настоящее время не знаютъ иной рѣчи, кромѣ русской. Весь складъ ихъ жизни — общій съ окружающимъ населеніемъ, отъ котораго они рѣшительно ничѣмъ не отличаются, не исключая и земельного положенія: они на общихъ условіяхъ съ остальнымъ крестьянскимъ населеніемъ подверглись въ послѣдніе годы такъ называемому поземельному устройству и получили опредѣленные, на каждое селеніе отдѣльно, земельные надѣлы, которые и были ими приняты. Такимъ образомъ, здѣсь земельный вопросъ можно считать временно исчерпаннымъ.

Подверглись землеустройству и уймонскіе инородцы, но они имъ далеко не удовлетворены и склонны признавать, что только теперь у нихъ и слагается аграрный вопросъ, грозящій въ будущемъ многими осложненіями. По переписи 1897 года, въ Уймонской управѣ насчитываютъ 257 хозяйствъ осѣдлыхъ инородцевъ съ населеніемъ въ 1658 человекъ: мужчинъ 809 и женщинъ 849. Всѣхъ селеній было одиннадцать. Происхожденіе и права на земли населенія этой управы таковы.

Верхній Уймонъ, хотя и считается инородческимъ селе-

ніемъ, тѣмъ не менѣе онъ всегда былъ населенъ корейскими русскими людьми, которые были превращены въ осѣдлыхъ инородцевъ по волѣ начальства. Исторія этого превращенія можетъ быть рассказана въ немногихъ словахъ. Отъ религіозныхъ преслѣдованій, отъ тяжести заводскихъ работъ въ Алтайскомъ округѣ и по другимъ причинамъ того-же порядка не мало народа скрывалось въ лѣсахъ и горахъ Алтая, ища въ самыхъ глухихъ его уголкахъ свободы отъ произвола и религіозныхъ гоненій. Случалось, что они уходили и за предѣлы русскаго государства, это и было тѣмъ легче, что государственныхъ границъ въ тѣ времена хорошо не знало и само начальство. Вотъ такіе-то бѣглецы, укрывшіеся въ китайскихъ предѣлахъ, въ концѣ XVIII столѣтія возбудили ходатайство передъ Екатериной II о дозволеніи имъ возвратиться опять въ Россію. Въ 1792 году имъ было разрѣшено вернуться вновь въ русское подданство, но уже въ качествѣ инородцевъ. Они поселились въ верховьяхъ р. Бухтармы, гдѣ потомки ихъ въ настоящее время составляютъ три обширныхъ волости. Они извѣстны также подъ именемъ „каменщиковъ“, т. е. живущихъ „Къ Камню“, въ горахъ. Нѣсколько семействъ этихъ каменщиковъ еще въ 90 годахъ XVIII столѣтія перевалило съ Бухтармы черезъ горные хребты въ долину Катуня, въ верхнемъ ея теченіи, и тутъ поселилось. Примѣру бухтарминцевъ послѣдовало и нѣсколько семей, жившихъ недалеко отъ нынѣшняго Верхняго Уймаона, и тоже стали проситься обратно въ русское подданство, что имъ также было разрѣшено въ 1798 году и тоже въ качество инородцевъ. Вотъ эти-то вновь испеченные инородцы да нѣсколько семей бухтарминскихъ каменщиковъ и заселили деревню Верхній Уймаонъ, отъ которой впоследствии отселилось нѣсколько „заимокъ“, постепенно разросшихся въ болѣе или менѣе значительныя поселеньца.

Недалеко отъ Верхняго Уймаона, на противоположномъ берегу р. Катуня, у впаденія въ нее Коксу, находится другая большая деревня той же управы—Усть-Кокса, населенная инородцами, которые однако, уже утратили свои первоначальныя національныя черты до родного языка включительно, и теперь мало чѣмъ отличаются отъ крестьянской массы Бійскаго уѣзда, въ жилахъ которой, несомнѣнно,

не мало инородческой крови. Теперь они себя считают вполне русскими людьми и даже обижаются, когда их называют инородцами. Усть-кокцинцы—телеуты, выходцы из Шуйской управы Кузнецкаго уѣзда Томской губ. Высылались въ первой четверти XIX столѣтія. Они, какъ и верхуймонцы принадлежатъ къ старовѣрью—безпоповщинѣ.

Изъ Усть-Коксы, какъ изъ Верхняго Уйлона, также выселялось въ свое время нѣсколько заимокъ, превратившихся впоследствии въ деревни. Вотъ эти-то два большихъ селенія—Верхній Уйлонъ и Усть-Кокса—съ ихъ заимками и деревнями и составляютъ Уймонскую инородную управу. Всѣ поселенія управы расположены на земляхъ, которыми ранѣе пользовались алтайцы-кочевники, въ долинахъ р.р. Катуня и Коксу, а также по рѣчкамъ, въ нихъ впадающимъ.

Усть-кокцинцы основывали свое право на земли на фактъ перечисленія ихъ на Алтай изъ Шуйской управы Кузнецкаго уѣзда, что и доказываютъ имѣющимися у нихъ на рукахъ соответствующими документами, относящимися ко времени ихъ выселенія на Алтай и слѣдовавшей затѣмъ приписки; ни о какихъ „древнихъ правахъ“ они не говорятъ. Совсѣмъ иное верхуймонцы: тѣ именно опираются, какъ и алтайцы-кочевники, на древнія права свои, выраженныя между прочимъ въ соответствующихъ указахъ о разрѣшеніи ихъ предкамъ возвратиться изъ Китая и поселиться въ русскихъ предѣлахъ въ качествѣ осѣдлыхъ инородцевъ.

Въ послѣдніе годы, когда въ Бійскомъ уѣздѣ производились поземельно-устроительныя работы, всѣмъ верхнеуймонцамъ, какъ и другимъ осѣдлымъ инородцамъ Алтая, были отведены земельные надѣлы. Но они этотъ отводъ считаютъ нарушеніемъ ихъ „древнихъ правъ“, почему во время межевыхъ работъ не давали рабочихъ и вообще оказывали пассивное сопротивленіе, а когда работы были закончены и надѣлы отведены, то отказались ихъ принять. Въ настоящее время они хлопчатъ о кассированіи, такъ сказать, всѣхъ поземельно-устроительныхъ работъ и о возстановленіи ихъ прежняго землепользованія. Надѣлы имъ отведены изъ земель, бывшихъ нѣкогда во владѣніи алтайцевъ-кочевниковъ. Объ отношеніяхъ между этими послѣдними и верхнеуймонцами еще придется говорить ниже, пока же достаточно сказать, что тѣ острыя отношенія, какія въ теченіе многихъ

лѣтъ и десятилѣтій слагались между тѣми и другими на почвѣ владѣнія и пользованія землями, въ настоящее время утратили свой былой характеръ, и центръ тяжести земельного вопроса на Уймонѣ перемѣстился и въ настоящее время находится въ произведенномъ поземельномъ устройствѣ, которое, по общему мнѣнію уймонцевъ, ихъ разорить, не принеся въ то же время никому никакой серьезной выгоды, т. к. изъятія изъ ихъ пользованія земли все равно никѣмъ другимъ, кромѣ нихъ, использованы быть не могутъ по самому характеру и общему расположенію этихъ земель, что отчасти нужно признать вполне справедливымъ.

Соросинская управа состоитъ изъ одного селенія Соросинскаго, лежащаго въ сѣверной части Алтая, внѣ района фактическаго владѣнія и пользованія землею алтайцевъ-кочевниковъ. Соросинцы—обрусѣвшіе киргизы, съ давняго времени здѣсь поселившіеся. Свое право на землю они основываютъ на фактѣ разрѣшенія имъ подлежащимъ начальствомъ поселиться на Алтаѣ, а затѣмъ отводѣ имъ еще въ 20—30-хъ г.г. прошедшаго столѣтія земельной дачи, о границахъ которой они, впрочемъ, не имѣли ни малѣйшаго представленія до послѣдняго времени. При общихъ поземельно-строительныхъ работахъ въ Бійскомъ уѣздѣ, производившихся на основаніи закона 1899 года, соросинцамъ былъ отведенъ особый надѣлъ. Часть ихъ выселилась изъ д. Сорасы и проживаетъ среди альпійцевъ-кочевниковъ въ такъ называемыхъ миссіонерскихъ селеніяхъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, главнымъ образомъ—въ селеніи Абойскомъ, другіе же на такъ называемыхъ урочищахъ, по р. Большой Гергѣ. Въ Абоѣ они поселились въ 60-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, повидимому, если не по прямому вызову, то съ разрѣшенія 100 миссіонеровъ, на Гергѣ же съ разрѣшенія самихъ алтайцевъ, даннаго еще лѣтъ 80—90 назадъ телеуту Кузнецкаго уѣзда Тюдрешу Шабракову, который впоследствии причислился къ Соросинской инородной управѣ. Потомки этого Шабракова образовали въ предѣлахъ кочевій альпійцевъ особый улусъ—Кудряшевскій. Шабраковы сохранили до сихъ поръ основныя черты своего быта и религіи (язычники), соросинцы же киргизы—всѣ православные, живутъ общекрестьянской жизнью,

говорять по-русски, и только типъ лица выдаетъ еще ихъ происхождение, да и то далеко не у всѣхъ.

Распредѣленіе инородцевъ, населяющихъ Алтай, на кочевыхъ и осѣдлыхъ, было произведено такъ называемой ясачной комиссіей, работавшей на основаніи закона 22 іюля 1822 года, внесшаго группировку въ инородческую среду, сообразно основнымъ чертамъ быта инородцевъ. Но для цѣлей настоящей статьи—выясненія земельно-правовыхъ отношеній на Алтаѣ—гораздо большій вопросъ представляетъ не столько эта сортировка инородцевъ по разрядамъ, сколько то, что было сдѣлано для нихъ въ области земельныхъ отношеній. Законъ 22 іюля ставилъ въ этомъ случаѣ извѣстныя обязательныя требованія, которыя по отношенію кочевыхъ инородцевъ выражались не только въ томъ, что за ними „утверждались“ владѣныя ими земли (ст. 26), но и въ томъ, что имъ таковыя земли должны быть „назначены“ для каждаго поколѣнія, чтобы и „окружность, каждымъ племенемъ владѣмая, была, по распоряженію мѣстнаго начальства, подробно опредѣлена“ (ст. 28). „Утверждаться“ должны были земли и за осѣдлыми инородцами (ст. 20).

Если утвержденіе владѣнія могло быть сведено къ чисто-канцелярскому, бумажному производству, то этого нельзя было сдѣлать съ опредѣленіемъ „окружности“, да еще и „подробнымъ“, безъ работъ на мѣстѣ, безъ фактическаго отвода земель „каждому поколѣнію“, безъ межеванія. И вотъ на вопросъ, что же было сдѣлано „по распоряженію мѣстнаго начальства“ въ этомъ направленіи, приходится отвѣчать: весьма мало.

Еще до закона 22 іюля, а именно въ 1811 году, признавалось необходимымъ со стороны начальства колывано-воскресенскихъ заводовъ установить для кочевниковъ Алтая границу ихъ кочевій, для чего, какъ это видно изъ архивныхъ дѣлъ бывшаго алтайскаго горнаго правленія, проектировалось провести „линію“, которая опредѣляла бы границу кочевокъ и заключала бы въ себѣ пространство въ сто десять тысячъ квадратныхъ верстъ. Проектъ этотъ осуществленъ на дѣлѣ не былъ, хотя на картахъ того времени, хранящихся въ архивѣ бывшаго алтайскаго горнаго правленія, проектированная граница и населеніе. Никакихъ работъ на мѣстѣ не производилось.

Въ 1827 году вновь возникает вопросъ о проведеніи границы въ натурѣ и охранѣ ея отъ того порядка, которому систематически подвергались алтайцы-кочевники со стороны русскаго населенія, все дальше и дальше подвигавшагося своими населеніями вглубь инородческаго Алтая, отбрасывая инородцевъ дальше и выше въ горы. Въ этомъ году алтайцы семи дючинъ принесли жалобу на причиняемыя имъ стѣсненія въ звѣриномъ промыслѣ и въ пользованіи пастбищами русскими крестьянами ревизовавшимъ въ то время Зап. Сибирь сенаторамъ Безродному и кн. Куракину. Въ результатѣ этой жалобы была проведена въ натурѣ главной чертежной колывано - вознесенскаго горнаго правленія граница кочевокъ алтайцевъ по лѣвому берегу р. Катуня. Ни кочевокъ алтайцевъ по правому берегу р. Катуня, ни кочевокъ т. наз. черневыхъ инородцевъ („туба-кири“) эти работы не коснулись почему то, тогда какъ на правомъ берегу Катуня кочуетъ много алтайцевъ тѣхъ самыхъ семи дючинъ, вслѣдствіе просьбы которыхъ проводилась и самая граница.

Въ сохранившихся въ архивѣ бывшаго алтайскаго горнаго правленія въ Барнаулѣ документахъ имѣется и описаніе этой границы *), утвержденной главнымъ начальникомъ колывано - воскресенскихъ заводовъ и томскимъ гражданскимъ губернаторомъ Е. Ковалевскимъ **).

Эта граница, объ установленіи которой инородцы сами хлопотали въ надеждѣ, что она оградитъ ихъ отъ произво-

*) Вотъ оно: „съ сѣверной стороны рѣка Катунь; отъ оной въ прямую почти линію къ западной сторонѣ; что будетъ съ сѣвера, близъ названной грани стоять: 1) дер. Усть-Чернинская, 2) далѣе отъ оной жилища кузнецкихъ татаръ и гора Плъшивая, за гранью лежащая; 3) усть рѣчекъ Черневаго Ануя и Дрозговитой, впадающей въ Ануя; гора Бутозиза, за гранью стоящая; съ западной стороны главные пункты близъ граничной черты находятся: 1) Чернь Зомья, лежащая по обѣ стороны грани и далѣе балки Ващелаксныя, черезъ кои грань положена; 2) пристани Коргонская и деревня Чечулиза стоящая при устьѣ рѣчки Чечулиза, впадающей съ правой стороны въ рѣку Чарышъ и 3) рѣчка Хаиръ-Кумарь, впадающая съ лѣвой стороны тоже въ рѣку Чарышъ; съ южной стороны рѣка Кокса, впадающая съ лѣвой стороны въ рѣку Катунь“. Арх. д. О границахъ калмыцкихъ стойбищъ. № 3993. 1837 г. С. П. Швецовъ: Горный Алтай и его населеніе, т. I, выд., I, стр. 130—131.

**) Тамъ же стр. 130. Предложеніе горному правленію колывано-воскресенскихъ заводовъ 8 мая 1831 года, № 1073.

дившагося натиска русскихъ крестьянъ, сопровождаемаго порчею однихъ и захватомъ другихъ промысловыхъ угодій, нисколько не препятствовала, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, продолженію захватовъ инородческихъ угодій и постепенному оттѣсненію самихъ инородцевъ. Никѣмъ не охраняемая, она постепенно стерлась не только въ натурѣ, но и въ самомъ представленіи инородцевъ, землевладѣнія которыхъ она должна была отдѣлять отъ землевладѣнія русскаго поселенія. И не только инородцы о ней утратили всякое представленіе, но и та самая русская власть, органы которой, казалось бы, должны были ее охранять *).

Этимъ собственно и ограничились заботы „мѣстнаго начальства“ о регулированіи землевладѣнія кочевыхъ инородцевъ Алтая, требуемымъ закономъ 22 іюля 1822 года. Ни о назначеніи“ для „каждаго поколѣнія“ инородцевъ участковъ, ни о дѣйствительномъ утвержденіи за ними земель не подымалось и рѣчи, по крайней мѣрѣ не подымалось ея серьезно. Бумажныя же попытки установить границу инородческаго землевладѣнія возникали и впослѣдствіи не разъ, вѣдствіе настойчивыхъ просьбъ инородцевъ оградить ихъ отъ производившихся захватовъ земли и вытѣсненія съ родныхъ мѣстъ.

Такъ, была проектирована и даже нанесена на карту граница для кочевки алтайцевъ на правомъ берегу р. Катуня, гдѣ обитаетъ большая часть населенія I. алтайской дючины. Но проектъ этотъ проектомъ и остался. По отношенію черневыхъ инородцевъ не составлялось, повидимому, даже и такихъ проектовъ.

Нѣсколько больше было сдѣлано относительно тѣхъ инородцевъ, которые закономъ 22 іюля были отнесены къ разряду осѣдлыхъ или „обсѣданныхъ“, какъ выражаются о себѣ сами инородцы **): при общемъ межеваніи Алтайскаго округа въ 1820—30-хъ годахъ, нѣкоторыя селенія осѣдлыхъ

*) Официальный историкъ Алтайскаго округа говоритъ по этому поводу: „свѣдѣній о точномъ мѣстоположеніи этой границы въ настоящее время не имѣется“. „Краткій историческій очеркъ Алтайскаго округа“ Сиб., 97 г., стр. 110.

***) „Мы обсѣданные уже, говорятъ они иронически, а вотъ тѣ (кочевые) еще только обузданные. Дай срокъ, начальство обдѣляетъ и ихъ“...

инородцевъ получили отводы земельныхъ дачъ въ натурѣ. Такова Сороса, нѣкоторыя селенія Кокшинской и Быстрианской управъ. Здѣсь нельзя не отмѣтить одного на первый взглядъ курьезнаго, а въ сущности далеко не безразличнаго факта. Замежевыя отдѣльныя дачи осѣдлымъ инородцамъ, что требовалось закономъ 22 іюля, бывшее алтайское горное правленіе въ отдѣльныхъ случаяхъ замежевывало также отдѣльныя дачи и кочевымъ инородцамъ, жившимъ селеніями. Такъ получили дачи селенія Чемальское Бирюля, Улала, въ Кумандинскомъ районѣ с. Макарьевское и другіе. Эти выдѣлы изъ общей территоріи, которая находилась въ пользованіи и владѣніи кочевниковъ-алтайцевъ, въ одномъ случаѣ, и кочевниковъ-кумандинцевъ въ другомъ, не опирались ни на какое положительное требованіе закона, который внутреннее распредѣленіе земель между кочевниками предоставляетъ исключительно имъ самимъ: „подробное раздѣленіе участковъ сихъ земель („владѣемыхъ“ кочующими инородцами) зависитъ отъ самихъ кочующихъ по жребію или другимъ ихъ обыкновеніямъ“ (§ 27). Такое ничѣмъ не оправдываемое вмѣшательство во внутреннія земельныя отношенія алтайцевъ-кочевниковъ со стороны „мѣстнаго начальства“ далеко не единственное. И въ то же время можно указать не мало случаевъ, когда, будучи обязательнымъ, его не было. Не было его и по отношенію уймонцевъ—этихъ своеобразныхъ русскихъ осѣдлыхъ инородцевъ, — которые до самаго послѣдняго времени не имѣли опредѣленнаго земельного отвода, что имъ позволяло производить, не стѣняясь ничѣмъ, широкіе захваты земель алтайцевъ-кочевниковъ и создавало мучительныя съ ними отношенія.

Такимъ образомъ, фактически въ XIX столѣтіи съ вѣншей стороны положеніе вопроса объ инородческихъ земляхъ на Алтаѣ, въ общихъ чертахъ, оставалось тѣмъ же, каковымъ оно было и въ XVIII вѣкѣ, т. е. почти столь же неопредѣленнымъ.

Еще „въ XVIII столѣтія для защиты отъ набѣговъ джунгаръ зарождавшася здѣсь (въ колывано-воскресенскомъ горномъ округѣ) горнаго дѣла казакамъ было приказано построить рядъ укрѣпленій, которыя образовали такъ называемую Колывано-Кузнецкую линію. Линія эта тянулась отъ форпоста Шульбинскаго на Иртышѣ до города

Кузнецка“ *) на Томи. Когда - то эта „линія“ и отдѣляла земли инородческія отъ земель, занятыхъ русскимъ населеніемъ. По эти сторону линіи были колывано-воскресенскіе горные заводы, бывшіе въ вѣдѣніи то Кабинета Его Величества то министерства финансовъ, заводы, которымъ въ теченіе полутора ста лѣтъ приносились въ жертву всѣ интересы края; по ту сторону—инородческій районъ, „чернь“, „дичь“, татары“, которыми никто не интересовался вѣдѣ поступавшаго съ нихъ ясака и даней и всего меньше — заводское вѣдомство Колывано-воскресенской области, которое одно только съ ними и соприкасалось. Въ силу этого положенія алтайскихъ инородцевъ отличалось не только полнѣйшей оброшенностью, но и полной неопредѣленностью по отношенію къ государству—какъ къ русскому, такъ и китайскому. Это требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Часть алтайскихъ инородцевъ, обитающихъ по р. р. Чуѣ, Чулышману и Башкаусу и нынѣ составляющихъ двѣ такъ называемыхъ чуйскихъ волости—I и II,—до 60-хъ годовъ XIX столѣтія находилась, такъ сказать, въ междугосударственномъ положеніи и уплачивала подати какъ русскому государству, такъ и китайскому вслѣдствіе неопредѣленности самой государственной границы. Такое положеніе присвоило имъ не лишнее извѣстнаго остроумія названія „двоеданцевъ“ *). Конецъ этому двусмысленному „двоеданскому“ порядку былъ положенъ только заботами разграничительной русско-китайской комиссіей середины шестидесятихъ годовъ прошлаго вѣка.

Не отличаются только ясностью и опредѣленностью и правовыя отношенія алтайскихъ инородцевъ и къ русскому государству, вѣрнѣе, Кабинету Его Величества, стоящему между ними и государствомъ, по крайней мѣрѣ не большей ясностью, чѣмъ государственное „двоеданство“ части тѣхъ же инородцевъ въ недавнемъ прошломъ.

**) Краткій очеркъ Алтайскаго округа. 1747—1897 гг.“ Сиб. 97 года стр. 111.

*) „Это названіе, читаемъ въ официальной исторіи Алтайскаго округа, они носятъ потому, что до 1865 г. подчинялись двумъ правительствамъ—китайскому и русскому: въ октябрѣ мѣсяцъ они вносили въ бійское окружное казначейство 160 маралыхъ и лосиныхъ кожъ, цѣною на 200 руб., а въ началѣ февраля по 2 соболя съ души начальнику китайскаго города Буента“. „Краткій очеркъ Алт. окр.“, стр. 107.

Если Кабинетъ въ своихъ земельно - правовыхъ отношеніяхъ къ крестьянскому населенію Алтайскаго округа опирается на производившуюся въ XVIII столѣтіи приписку государственныхъ крестьянъ къ алтайскимъ заводамъ, выкупленнымъ при Елизаветѣ у Акинфія Демидова, и на приписку къ тѣмъ же заводамъ лѣсовъ, которые обезпечивали бы ихъ топливомъ, то по отношенію инородцевъ и инородческихъ земель ничего соответствующаго этимъ актамъ въ прошломъ не было. Принятіе алтайскихъ инородцевъ въ русское подданство, произведенное, конечно, не колывано - воскресенскимъ заводскимъ вѣдомствомъ, а государственной властью, не сопровождалось никакимъ постановленіемъ о передачѣ вновь присоединенныхъ инородцевъ и обитаемыхъ ими земель въ вѣдѣніе заводскаго вѣдомства. Отсюда недоумѣніе алтайскихъ инородцевъ, почему они находятся въ завѣдываніи Кабинета, а не общегосударственной власти, какъ всѣ остальные инородцы Сибири.

Разъясненія этого недоумѣнія, совершенно понятнаго со стороны инородцевъ, нужно искать въ прошедшемъ Алтайскаго округа, въ томъ смѣшеніи, путаницѣ управленія, что въ крѣпостной періодъ были такъ характерны для него. Соединеніе общегражданскаго управленія всей Томской губерніи и горнозаводскаго управленія Алтайскаго округа въ одномъ лицѣ, которое являлось одновременно и томскимъ гражданскимъ губернаторомъ, и главнымъ начальникомъ алтайскихъ заводовъ, не могло въ результатѣ не дать фактовъ, объясненіе и самое пониманіе которыхъ было бы невозможно внѣ этого смѣшенія.

Сюда относятся между прочимъ такіе факты, какъ обложеніе оброкомъ въ доходъ заводскаго вѣдомства государственныхъ крестьянъ Алтайскаго округа *) уже *послѣ* осво-

*) Нынѣшній Алтайскій округъ былъ заселенъ государственными крестьянами еще до возникновенія здѣсь кабинетской заводской промышленности, т. е. до 1747 года, когда по указу Елизаветы были отобраны отъ Акинфія Демидова, по извѣстной причинѣ, его заводы. Затѣмъ, чтобы обезпечить рабочими силами заводы и рудники, послѣдовалъ рядъ высочайшихъ указовъ о припискѣ къ нимъ алтайскихъ крестьянъ. Сначала приписка производилась отдѣльными семьями, отдѣльными деревнями, а затѣмъ уже цѣлыми волостями. Такъ былъ созданъ разрядъ крѣпостныхъ къ алтайскимъ заводамъ крестьянъ, которые находились въ завѣдываніи отчасти общегубернской, отчасти заводской администра-

божденія приписного къ заводамъ крестьянскаго населенія, между тѣмъ какъ самый оброкъ этотъ является возмѣщеніемъ Кабинета за убытки, какіе онъ повесъ съ прекращеніемъ обязательнаго на заводахъ и рудникахъ труда приписныхъ крестьянъ, самая же величина подушной оброчною въ доходъ Кабинета подати—4 р. 50 к.—получилось отъ раздѣленія суммы общей стоимости годового труда освобожденнаго населенія на число его ревизскихъ душъ. Государственные крестьяне Алтайскаго округа, какъ никогда ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ не стоявшіе къ вѣдомству Кабинета, этому новому налогу не должны были подлежать.

Сюда слѣдуетъ отнести и возбуждающее недоумѣніе подчиненіе инородцевъ заводскому вѣдомству, о которомъ въ основномъ инородческомъ законѣ 22 іюля 1822 года, этой конституціи сибирскихъ инородцевъ, не говорится ни слова; ничего не говорится о немъ и въ другихъ законахъ объ инородцахъ и ихъ управленіи. И какъ незамѣтно, какъ бы само собою, произошло подчиненіе государственныхъ крестьянъ алтайскому вѣдомству, также точно постепенно произошло и подчиненіе ему инородцевъ, ранѣе ни въ какихъ обязательныхъ къ нему отношеніяхъ не стоявшихъ. О формахъ этого подчиненія еще придется говорить впоследствии, пока же нужно отмѣтить что Кабинетъ основываетъ свои права на инородческія земли на трехъ статьяхъ горнаго устава (томъ VII изд. 1893 г.): на 1045, которая говоритъ, что „Алтайскій горный округъ составляетъ пространства земель, въ Алтайскихъ горахъ и въ смежности ихъ лежащихъ, съ состоящими на нихъ рудниками и заводами;“ на

ци до самаго освобожденія, т.-е. до 1861 г. Но двѣ обширныя волости, изъ которыхъ теперь образовалось, вѣроятно, до десятка новыхъ—Подонинской въ Кузнецкомъ и Смоленская въ Бійскомъ уѣздахъ—както избѣжали приписки, хотя онѣ и находились въ самыхъ центрахъ приписного населенія; къ заводскому вѣдомству онѣ никогда ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ не находились и подчинены ему не были, оставаясь исключительно въ завѣдываніи губернскаго вѣдомства. Послѣ же освобожденія случилось какъ-то само собою, что эти дотолѣ свободные государственные крестьяне были приравнены къ бывшимъ приписнымъ (а не обратно) и наравнѣ съ ними обложены подушной въ доходъ Кабинета срочной податью, возникшей изъ ликвидаціи крепостныхъ отношеній, для нихъ, какъ всегда остававшихся государственными крестьянами, совершенно чуждыхъ.

1046, устанавливающей, что „алтайскіе промыслы, рудники и заводы составляют частную собственность Государя Императора“ и управляются „под главнымъ вѣдомствомъ Кабинета“ алтайскимъ „горнымъ мѣстнымъ начальствомъ; наконецъ, на ст. 1084, редактированной такъ: „алтайскимъ заводамъ принадлежатъ все находящіяся на пространствѣ ихъ Горнаго округа земли, лѣса, озера, рѣки, рудники, пріиски, ломки цвѣтныхъ камней и заводы“.

Кромѣ того, указываютъ на приложение къ 2431 статьѣ Устава Горнаго (изд. 1857 г.), гдѣ указаны границы Алтайскаго округа, въ которомъ воспрещена частная золотопромышленность.

Здѣсь, конечно, прежде всего возникаетъ вопросъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ весьма неточнымъ и неопредѣленнымъ выраженіемъ „принадлежать“ ст. 1084. Нужно-ли въ этомъ неясномъ терминѣ видѣть развитіе принципа, точно и категорически выраженнаго въ ст. 1046, или нѣчто отличное отъ него? Другими словами, нужно-ли признать, что понятіе *принадлежности* въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ понятіемъ *собственности*, или же оно указываетъ лишь на извѣстную подчиненность, зависимость земель округа отъ тѣхъ „промысловъ, рудниковъ и заводовъ“, о которыхъ трактуетъ ст. 1046? Не правильнѣе-ли понимать въ этомъ случаѣ, что земли Алтайскаго округа, по отношенію заводовъ, рудниковъ и промысловъ, составляющихъ частную собственность Кабинета, находятся въ аналогичномъ положеніи съ тѣмъ, какое установлено для лѣсовъ Алтайскаго округа? Лѣсной уставъ *) относитъ все лѣса Алтайскаго округа къ особому разряду государственныхъ

*) Въ „книгѣ третьей“ лѣснаго устава, содержащей въ себѣ законоположенія „о порядкѣ управленія государственными лѣсами, имѣющими особое предназначеніе“, въ главѣ четвертой „о государственныхъ лѣсахъ, приписанныхъ къ горнымъ промысламъ и заводамъ Алтайскимъ“, есть ст. ст. 478 и 479, которыя такъ опредѣляютъ положеніе этихъ лѣсовъ: „Все, принадлежащее кабинету Е. И. В., приписанное къ горнымъ заводамъ алтайскимъ лѣса, состоятъ въ непосредственномъ управленіи заводскаго управленія“. „Вѣдомству Алтайскихъ заводовъ принадлежатъ все лѣса, растущіе на пространствѣ, занимаемомъ заводами, рудниками, пріисками, ломками цвѣтныхъ камней и другими казенными заводами, также на Алтайскихъ горахъ, лежащихъ между Бійской линейной дорогой и Китайской границей“.

лѣсовъ, имѣющихъ особое предназначеніе. Послѣднее опредѣлялось стремленіемъ государственной власти обезпечить алтайскіе заводы, рудники и промыслы лѣсными матеріалами и топливомъ.

Я предоставляю юристамъ дать отвѣтъ на эти вопросы, а также и на вытекающій изъ сопоставленія цитированной ст. 1084 и ст. 427 того же горнаго устава, той именно части, которая имѣетъ въ виду золотые промыслы на земляхъ казенныхъ и Кабинета. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ говорится: „подъ казенными землями разумѣются... казенныя земли, находящіяся въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, не причисленныхъ къ разряду собственниковъ, казачьихъ войскъ и инородцевъ (въ томъ числѣ и земли, занятыя киргизами подъ зимовыя стойбища и лѣтнія кочевки“).

Но всѣ эти и подобные вопросы, представляя огромный интересъ съ точки зрѣнія общегосударственной и кабинетской, довольно безразличны съ точки зрѣнія интересовъ инородцевъ, ихъ земельно-правового положенія. Для инородцевъ эти вопросы имѣютъ не столько практическое, сколько теоретическое значеніе, такъ какъ для нихъ, практически, въ сущности, довольно безразлично, съ кѣмъ именно они раздѣляютъ свое право распоряженія землями—съ Кабинетомъ или съ государствомъ, такъ какъ отъ этого не зависитъ ихъ собственный объемъ правъ на земли, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, которымъ они такъ обезпокоены. А для нихъ въ этомъ-то прежде всего и заключается ихъ основной вопросъ, мучительный вопросъ сегодняшняго дня, его „злоба“ и надежда, ибо какіе бы принципы ни легли въ грядущее землеустройство инородцевъ, они,—поскольку оно будетъ дѣйствительнымъ землеустройствомъ, т.-е. прочнымъ обезпеченіемъ инородцевъ землею,—не могутъ не опираться на уже существующія земельно-правовыя ихъ нормы въ своемъ общемъ построеніи. Для алтайскихъ инородцевъ, какъ и для большинства сибирскихъ инородцевъ, на первомъ планѣ стоятъ вопросы ихъ *владѣнія* и *пользованія* землею, а не распоряженія ею, каковымъ правомъ они никогда и не располагали: право распоряженія землями, владѣемыми инородцами, распредѣляется между государствомъ и Кабинетомъ.